

СОЦИОЛОГИЯ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Социология — это тексты, в которых она воплощена. Именно в них представлены и блеск, и нищета социальной мысли наших предшественников и современников. Однако актуальность и востребованность социологии, в частности, в современном российском контексте пока еще мало зависит от качества и глубины социологических текстов. Экстенсивный институциональный рост социологии продолжается. Если учесть, что социологическое сообщество в ближайшем будущем при существующих тенденциях вырастет во много раз, — ведь социологов и близких по профилю специалистов в стране в настоящее время готовят более восьмидесяти факультетов — то становится ясно, что пришла пора оценить этот кадровый потенциал и его общественное значение.

Резкий структурный общественный перелом привел к появлению новых самостоятельных социальных действующих лиц (акторов) — бизнес, общественные организации, партии, медиа (СМИ). Все они нуждаются в производстве и продвижении специфичной социальной информации, в конкретном экспертно-аналитическом и коммуникативном сопровождении своей деятельности. Соответственно, сменилась направленность и миссия социологии. Как известно, оправданием существования социологии, по крайней мере, в идеале, всегда было служение гражданскому обществу, науке, выступление в защиту свободы личности и социальной справедливости. Какова же роль социологии в современном российском контексте?

Остается открытым вопрос — сохраняет ли социология в современных условиях собственное лицо как независимая наука, самокритичная, критичная по отношению к обществу и власти, обращенная к объективному исследованию устройства социума, культурной динамики, жизненного мира и позиции личности, конфликтов и т. д. Самый общий ответ заключается в следующем. Пока социологи зарабатывают на хлеб насущный, обслуживая то власть, то бизнес, то медиа, пока социология молчит по поводу скрытых от поверхностного взгляда тенденций и следствий социально-экономических, политических, культурных и духовных процессов, совершенно очевидным становится снижение ее статуса в глазах требовательной публики. Неважно, будут ли это представители общественности, властных элит, интеллигенции, политических и экономических групп интересов, рядовые граждане.

На первый взгляд, имеется огромная потребность общества и государства в социологах, в их информационных, экспертных, аналитических разработках. Вместе с тем, несмотря на обилие социологических текстов, социальная информация, за исключением немногих отдельных проектов, фрагментарна, отрывочна, конъюнктурна, поверхностна. Речь идет прежде всего о дефиците крупных лонгитюдных панельных обследований динамики социальной структуры российского общества в постсоветский период, меняющихся типов повседневности, субкультурных сдвигов, когортных исследований жизненных путей, отдельных сегментов общественной жизни. В начале системной трансформации российского общества казалось, что все процессы достаточно прозрачны и могут быть объяснены при помощи западных теоретических парадигм и методологического инструментария. Однако простой экспорт концепций, методов, методик не стал, да и не мог стать универсальным способом изучения российского общества. Социология продуктивна тогда и только тогда, когда социальное знание о реальностях российского общества создается в поле собственного профессионального опыта — творческого осмысления, накопления солидного фактического

материала, исследовательских стратегий и дискурсивного выражения на языке современной науки. Совершенно очевидно, что «чужим умом», «чужими» опытом и текстами здесь не обойтись. Социальное знание привязано к общественному, национальному контексту. Оно конституируется и инструментализируется лишь тогда, когда оно артикулировано, когда его символическое содержание опредмечено в текстах и образах. Может возникнуть впечатление, что накопленные тексты служат созданию новых текстов. По сути речь идет не только о порождении новых слов, терминов, но прежде всего смысловых содержаний. Как этого добиться нашим авторам, как подняться на уровень объяснения социально значимых вещей и событий, осмысления происходящего без узко направленной ангажированности?

Пять лет назад, в опубликованной в ЖССА (№ 1 за 2000 г.) статье «Оправдание социологического суждения» нам казалось важным выделить, охарактеризовать и обосновать выделенные пять парадоксов, один из которых был назван дилеммой социального контекста и социологического текста. Точнее, это парадокс переводимости, транслируемости текста в реальные социальные и культурные практики. Окрепло ли доверие к социологическим текстам, к науке социологии? Слабое доверие к социальным наукам как инструменту анализа и оценки общественных явлений толкает сообщество социологов либо выдумывать образ социума и концептуализировать его, либо входить в поле политики, экономики, массовой коммуникации. Поскольку социальные науки подчинены ритуалам общественного признания, то социология нередко используется для получения научных степеней в далеких от науки целях: общественного признания, политической карьеры и т. п. Доверие публики к серьезным социологическим текстам и социальной информации, созданной квазипрофессиональными социологами, явно не прирастает и отношение к ним остается скептическим. Ситуация явно не в пользу социологии как профессионального поля. Конечно, у нас нет готовых решений, но мы полагаем, что данная проблема весьма злободневна и должна быть предметом обсуждения среди социологов. Такую дискуссию мы предлагаем открыть на страницах нашего журнала и других периодических изданий.

В современной российской социологии не предлагается удовлетворительных объяснений и оценок таких феноменов, как доминирующие и альтернативные социальные практики; рост социальных проблем, отчуждение и конфликты этнонациональных и религиозных культур; внутрироссийская и европейская интеграция образовательных систем; социетальная и культурная глобализация, новая социальная справедливость и взрыв терроризма; формирование единых пространств в Европе и других регионах. Жизненно важная социальная тематика требует пристального внимания и осмысления со стороны наших заинтересованных читателей и авторов.

Необходимая для российской общественности и политической сцены экспертиза тонких социальных структур в условиях резких экономических сдвигов, правовых перемен, новых жизненных траекторий поколений только формируется. Среди новых проблем стоит выделить национально-специфическое социальное конструирование личного и публичного пространства, растущую индивидуализацию, конфликты и общественные риски, которые попали в поле социологического анализа. Вместе с тем значимых результатов немного. Нельзя, конечно, лишь скептически обобщать и негативно оценивать достигнутое в российской социологии, но приходится признать, что современная ситуация не дает повода для оптимизма. Наблюдается тенденция роста социологических текстов, к сожалению, не отвечающих требованиям международного научного сообщества. По жанру публикуемых текстов, по формату социальной информации и методологической установке авторы данных текстов предстают в качестве следующих доминирующих типажей:

— *Хронограф* (систематизатор, регистратор) актуальных событий. Он стремится непосредственно описывать реальность, пытается в лучшем случае внести в картину происходящего свое устоявшееся мировидение и работает в достаточно узком понятийном

диапазоне. Это в основном представители эмпирических и прикладных исследований. Не секрет, что огромные массивы данных и результаты эмпирических проектов оказываются сиюминутными и малополезными.

— *Концептуалист*, способный универсально объяснить любые процессы в стране и мире. Это обладатель теоретической, как правило, социально-философской отмычки к любому доступному ему материалу. Примером такой отмычки может служить синергетика, доктринально «объясняющая» все попадающее в поле ее зрения, объяснение общественных структур, институтов, действий и процессов через социальное бессознательное, менталитет, архетипы.

— *Радикальный конструктивист*, исходящий из фактов его сознания, описываемых созданными им же терминами. Методологически он опирается на принцип субъективности в обращении с имеющимся исследовательским материалом. Например, тексты, манифестирующие собственный дискурс как выражение доксы исследуемого поля.

— *Интерпретатор*, главная задача которого — адаптировать имеющиеся подходы и концепции, и, соответственно, методы исследования к проблемному полю без критического осмысления самой методологии. Некритическое применение арсенала социологии компенсируется талантливой настройкой понятийного и методического инструментария по отношению к предмету изучения.

— *Компилятор*, комбинирующий социологические тексты (теории, данные, цитаты) для специфически понимаемых нужд образования и науки. Умножающийся ряд учебников, и даже многотомных квазифундаментальных работ по социологии теперь хорошо известен.

Надеемся, уважаемый читатель не найдет представителей этих типов среди авторов наших публикаций.

Кроме того, тексты социологического профиля обнаруживают весьма разноречивые тенденции.

1) Преобладает тенденция отчуждения социального знания, оторванность его от реальных жизненных практик. Очевидно, что социологические тексты создаются в определенном жизненном контексте, из материала которого, собственно, и экстрагируются аналитические типы социальных практик. Живой контекст реальности «естественно» трансформируется в структуру социальной информации, социологического знания, в фигуративные схемы социальных представлений повседневного сознания.

2) Сохраняется тенденция параллельного существования знания на разных уровнях исследования. Производимое и циркулирующее на разных уровнях социальное знание разорвано. Академическое социальное знание, прикладная инструментальная информация и повседневные представления существуют и развиваются раздельно. Научное знание слабо коррелирует со здравым смыслом, они либо конкурируют друг с другом, либо первое заменяется последним. Инструментальное прикладное знание и вовсе становится специальным информационным продуктом, экспертным и консалтинговым набором представлений в управленческих практиках. Каждая форма социального знания замкнута на себя, и попытки выйти из этого круга выглядят как излишество.

3) Слово социального ученого утрачивает кредит доверия у потенциального пользователя, читателя, слушателя. Насколько велик авторитет академического исследователя? Знают ли рядовые граждане тексты социологов, пользуются ли их данными? Теоретик в социологии, как правило, пребывает в выстроенном им замке, он далек от практических животрепещущих проблем. Он сам, исходя из накопленного и доступного ему массива научной информации, определяет проблемное и предметное поле, принципы и методологию своих изысканий, наконец, декларирует его значимость в научном сообществе.

4) Укрепляется тенденция групповой поддержки в науке. В этом явлении нет ничего необычного. Любая научная деятельность всегда имеет коллективный характер. Социология

не исключение. Но при этом возникает дух круговой поруки, негласное требование избегать критики «своих» и критиковать лишь «чужих». Разнообразие научных парадигм в социологии говорит как о ее кризисе, так и о сложившихся ареалах социальной науки, где доминируют «своя» доктрина, «своя» логика, тип конструирования, ритуал групповой поддержки и продвижения в формальных структурах научной легитимации (например, диссертационные советы).

5) В то же время формируются практики самопрезентации в социологическом сообществе. Приобрести имя и авторитет в профессиональном сообществе нелегко. Для преодоления обособленности, для выхода за границы узкой учености и интеллектуального круга, исследователю, если он заботится о признании своих достижений, престиже, общественном символическом капитале, приходится презентировать, популяризировать, продвигать собственные тексты и результаты. На этом пути, возможно, и преодолеваются границы между ученостью и здравым смыслом.

Для работающего в практической социологии и таких смежных областях, как маркетинг, брэндинг, реклама, имиджмейкерство, изучение общественного мнения, менеджмент, организационное развитие, исследование рынка, — нет необходимости рефлексировать собственную деятельность. Для социолога-практика социальная информация скорее товар, который предлагается потребителю. Между тем символическое производство социолога и символический мир рядового человека пересекаются, образуя общее поле объяснений и понимания происходящего. В частности, данные социологов используются в политической жизни, в ходе выборных кампаний, маркетинговых обследований. Эти данные содержат информацию о моделях поведения, пристрастиях граждан. Потому и складывается впечатление о современной практической социологии как способе кристаллизации повседневного опыта, идеологизации частной и публичной жизни.

Каков же контекст современной российской социологии? На макроуровне — это изменяющееся пространство глобального мирового общества, основанного на знании и коммуникации. На национальном российском уровне — перманентно реформируемое общество и государство, медленно вызревающее новое национальное сознание собственного достоинства без имперских заблуждений. На микроуровне — локализация и осознание групповых и личных интересов экономического свойства, создание новой среды обитания в городах, экологизация культуры, растущая индивидуализация. Поступательное освоение правил рынка, иногда свободное, а чаще вынужденное волеизъявление граждан, нестесненная свобода совести — выбирай любую религию, партию, мораль, неограниченная общественным суждением власть и одинокая, себе предоставленная масса — все это нынешний фон российской реальности.

Какой бы регион мы ни взяли, местную жизнь в Тамбовской области, столичную жизнь в Москве или Санкт-Петербурге, обнаруживается прежний разрыв в социологическом изучении и освещении общих и локальных задач, в развитии социологической культуры разных социальных групп как средства развития гражданского общества в России. Региональная власть заинтересована в информационно-аналитическом обеспечении своей деятельности. Иначе она утрачивает обратную связь и коммуникацию с населением. Но в то же время законодательная и исполнительная власть на этом уровне обладает возможностями манипулировать общественным мнением и настроениями. Социологов привлекают для решения как экспертных, аналитических, информационных задач, так и задач, обеспечивающих имидж и позиции власти, связи с общественностью.

Итак, служит ли социология инструментом общего блага — исследованию фактического социального порядка с его изъянами и достижениями, созданию альтернативных моделей устройства гражданского общества на началах справедливости и свободы, росту солидарности и толерантности, реализации человеческого потенциала? Это обращение к

профессиональному и социальному кодексу современной социологии, на наш взгляд, дает социологам право и обязанность не только успевать за стремительно изменяющимися событиями, но помогать обществу со своей стороны корректировать ход событий, предупреждать угрозы, оценивать и прогнозировать альтернативные модели жизни. Социология в российском контексте имеет все ресурсы и шанс на подобную роль. Миссия социологии заключается в создании социологического сообщества, способного на открытую коммуникацию как внутри него самого, так и, что особенно важно, с российским обществом во всех его составляющих и остальным миром в глобальном общечеловеческом контексте. Только тогда социологические тексты российских авторов смогут соответствовать в полной мере и российскому контексту, и уровню современной мировой исследовательской практики, соответственно, получить международное признание. В целях международного признания научных результатов российских социологов целесообразно приступить регулярному изданию работ на английском языке.

Итак, в чем же заключается роль социологии в современном российском обществе? Мы приглашаем наших читателей ответить на этот вопрос и предложить темы исследований, способные разрешить обозначенные проблемы.